

РУССКИЕ КАК ИМПЕРСКИЙ НАРОД

В сентябрьском исследовании фонда
«Общественное мнение»
отмечено, что в тревогах россиян
присутствуют следующие фобии –
синдром осажденной крепости,
уверенность, что мы в кольце врагов,
антиамериканизм.

* * *

Может быть наиважнейшей мыслью, которая была воспринята и сохранена народами, населяющими Россию со времени падения Византии до наших дней есть мысль об империи и о том, что они – имперский народ. Мы всегда знали, что живем в стране, история которой представляет собой непрерывную цепь территориальных расширений, захватов, присоединений, их защиты, временных утрат и новых приобретений. Мысль об империи была самой ценной в нашем идейном багаже и именно ее мы были готовы заявить и заявляли другим народам. Именно ею мы удивляли, восхищали или ужасали остальной мир. В равной мере это справедливо для Российской империи и СССР.

С крушением СССР империя исчезла. И ни власть, ни общество, похоже, не знают – чем жить дальше. Ответа нет, а число ошибок, неизбежных при отсутствии цели и смысла существования, множится день ото дня.

Жизнь в империи не прошла для нас даром. За минувшие столетия имперское бытие сформировало наше сознание, вошло в культуру. Но адекватно ли имперское содержание нашего сознания сегодняшним реалиям? Хотим ли мы воссоздания империи из руин и способны ли к этому? А если не хотим, то, может, стоит что-то поменять в голове?

* * *

Определений империи, как и реально существовавших государств такого типа, множество. Были Римская и Византийская империи, Османская, Британская, Китайская, Австро-Венгерская, Германская империя времен Бисмарка и Вильгельма, Веймарская республика, Третий Рейх, были Российская империя и Советский Союз. Все имели особенности, сосуществование которых в едином определении невозможно. По этой причине я попытаюсь дать определение только нашей отечественной империи – от примерного времени ее возникновения в середине XVI столетия и до момента крушения СССР.

Определение понятия империи – дело сложное, требующее специального исследования. Думаю, что в силу большого разнообразия империй имеет смысл попытаться дать таковое в отношении рассматриваемого предмета – империи в России и СССР. Отечественная

империя – это тип государства, способ устройства хозяйственной и общественной жизни, а также особый набор способов формирования жителей – подданных. Для нее характерны следующие черты, в чем-то повторяющиеся у других империй, в чем-то уникальные:

1. наличие в национальном самосознании представления о высшем предназначении России в мире, о якобы возложенной на страну особой миссии. (Предвижу вопрос о том, как такое представление возникает и пока не могу на него ответить);

2. максимизация территориального расширения ради политических и экономических интересов как один из важнейших (наряду с безопасностью) принципов государственной политики;

3. цель присоединения народов вторична по сравнению с целью присоединения территорий. Отсюда – отношение к присоединяемым как к неизбежному обременению, материалу. Их благополучие и прогресс не были целью;

4. наличие объединяющей народы империи «сверх-идеи» (православия, «третьего Рима», пролетарского интернационализма, «оплота мирового коммунизма»), нивелирующей этно-национальные различия;

5. вера в истинность только собственной «сверх-идеи» (наше православие – единственно верное толкование Христа, «учение Маркса – всеильно, потому что оно (единственное) верно») и недопущения истинности подобного рода идей у других народов;

6. уверенность, что все, что за пределами России – чуждо и враждебно ей;

7. вера в то, что все, находящееся за пределами России желает ее уничтожения;

8. организация экономической и общественной жизни на принципе самодостаточности, выживания во враждебном окружении – концепция «железного занавеса»;

9. наличие сакральной фигуры вождя (самодержца – наместника Бога на земле, «отца народов», генерального секретаря);

10. всеобъемлющая власть государства при недопущении появления, ничтожестве или фикции зачатков гражданского общества в форме свободных корпораций (боярской думы, свободных университетов, крупных частнопредпринимательских объединений);

11. рассмотрение отдельного человека как мелкой детали огромного механизма, полное игнорирование его личностных особенностей и интересов, «единица – ноль»;

12. гражданство не зарождается, т.к. не имеет реальных экономических, политических, правовых, культурных основ и целенаправленно заменяется подданством.

* * *

Довольно трудно установить время, которое бы позволило точно определить «начальную точку» российского имперского сознания. Было ли это время падения Константинополя? Или это случилось при Иване Грозном, столетие спустя, когда по Европе распространилась реформация и, как

считалось в Москве, прежде заблуждавшиеся, но все же христианские народы, теперь и вовсе сделались вероотступниками, а мы оказались последним оплотом правильного христианства? С какого момента русские начали ощущать себя народом, который способен и имеет право подчинять себе других, главенствовать, определять свое и чужое настоящее и будущее? Когда начало проявляться наше имперское сознание, о котором не так давно один отечественный исследователь¹ говорил, что «присоединяем мы к себе народы, или даже силой оружия покоряем – для их же Блага – с нами Бог! А если они с нами, то и с ними Бог. Россия потому и Россия, что она всегда права. Россия всегда на стороне Бога. Если она не права, то это уже, как бы, и не Россия». В общем, вслед за пророком Исайей: «С нами Бог, разумеете, народы, и покоряйтесь, ибо с нами Бог» (Исайя, 7, 18 – 19).

Наука не знает, почему одни народы строят империи, а другие нет. Тем более – почему одни к разрушившемуся относятся без слез или даже разрушают свои империи сами, а другие, как мы, все никак не могут от этого отказаться: и с Белоруссией у нас «союзное государство», и Абхазия с Южной Осетией к нам «вошли», и Украину разве только не калачом маним. Может, это снова имперский зуд?

Защитники идеи империи как формы существования избранных народов доказывают, что строят империи только сильные народы, которые «обладают правдой от Бога» и которые ради этой правды готовы нести свои и чужие жертвы. Те же, кто утверждает, что «Россия – империя навсегда», добавляют, что, в отличие от прочих завоевателей-империалистов, мы реализовали не прагматически обусловленную, а особую «культурно-детерминированную» экспансию и действовали не ради собственного интереса, а для пользы присоединяемых и чаще всего бескорыстно, если не в ущерб себе.

Но почему мы столь альтруистичны? Поиску ответа на вопрос, от чего произошло наше имперское сознание помогает понимание истории происхождения Российской империи, если числить ее от «Третьего Рима». Древний Рим был первой мировой языческой империей, претендовавшей на включение в свои пределы всего цивилизованного мира. Политический, экономический, военный и любой иной изоляционизм от варварских народов, равно как культурный и правовой универсализм внутри империи были его главными отличительными признаками. Этническая принадлежность входивших в империю народов во внимание не принималась. Рим как продолжение Афин являл собой новое издание эллинистической цивилизации, ее культуры и религии, дополненных глубоко разработанным правом. При этом религия пронизывала государственную жизнь, а отношения человека с богами реализовывались под строгим государственным контролем.

Пришедшая с распространением христианства на смену Рима Византия с самого начала заявила о себе как о земном бытии Царства Небесного, а о фигуре императора – как о заместителе Бога. (И если даже в этом она была не оригинальна, то это не повод данный признак устранять). В качестве идеала Византия провозгласила сообщество людей на основе общей правильной

¹ Здесь и далее сносок пока не даю, так как над статьей буду продолжать работать.

(православной) христианской веры. Различение языков, этносов, культур не просто игнорировалось, но считалось следствием греха, самовольной попытки вавилонского покорения Небес. Православием Византия преодолевала любой национализм. Власть государства была всеобъемлюща. Каждый подданный рассматривался как винтик единого механизма, который мог быть извлечен из глубин любого социального слоя и прилажен к нужному месту. Император управлял империей, а все иные народы ранжировались как «полезные» или «вредные» для православного государства.

Наша страна, бывшая частью Византийского мира, после падения Царьграда ощутила себя сиротой, но, вместе с тем, и единственной наследницей великой империи. Россия воспроизвела, хотя и существенно скорректировала основные имперские принципы Византии. Сохранив изоляционизм от неправославного мира, хотя и не варварского, как считали в Византии, но погрязшего в заблуждениях и грехе, русские сосредоточились на расширении и укреплении границ своего царства. Для этого, как универсально обрисовывал ситуацию Лев Толстой, на Кавказе «русскими мужиками, обстриженными и одетыми в мундиры и вооруженными ружьями со штыками», убивались тысячи людей, защищавших свою свободу и свои дома и семьи. То же самое делалось и на других «окраинах», за что царские начальники «получали ордена и новые украшения на мундир». И это, похоже, не было отдельными мероприятиями Российской империи. Тот же Толстой, как известно, задумывал роман о «силе завладевающей» – главном божеском призвании русских. Эту мысль – о мирном завоевании необъятных восточных пространств – неоднократно высказывал в «Анне Карениной» и его любимый герой Константин Левин.

При этом, в отличие, например, от имперской политики Англии, внутри страны православного миссионерства среди присоединяемого туземного населения по мере продвижения на запад, юг и восток не было. Приятие в православие считалось делом Божьего Промысла. Однородность империи покоилась на религиозной основе декларативно. Фактически же в ее границах сосуществовали мусульманский, буддийский, католический и протестантский миры, а гражданство (подданство) предоставлялось по факту проживания в границах империи и было предварительным условием обращения в православие.

Как и в Византии, на государство смотрели как на икону, но «симфонии» государя и патриарха не было, а царю экспликация божественной воли приписывалась даже в большей, чем у византийцев, мере. И если от подданных империи не требовалось православного религиозного служения, то им предписывалось отнюдь не меньшее служение царю как помазаннику Бога и столпу государственности.

Усиление тенденции «самодержавства» в противоположность «самовольству» выразилось и в том, что русские полностью игнорировали входившее в византийское наследство римское право. Покоившееся на идее частной собственности и личности как субъекта правоотношений, оно не только не стало как в Византии – наряду с религией – основой имперского универсализма, но, напротив, сделалось угодливой служанкой царской

власти. Гражданство в Российской империи, лишенное политических, культурных и правовых основ, было «гражданством» по месту нахождения человека на определенной территории, включенной в состав государства. У земель было больше прав, чем у населявших их жителей. Уже Иван Грозный «тасовал» бояр между территориями «опричнины» и «земщины», между центральными и отдаленными регионами, таким образом определяя меру их приближения к себе и степень «достоинства», без суда, по личному решению сотнями грабил, пытал, казил. Самодержавный произвол изначально был одним из столпов Российской империи.

Параллельно со становлением российской империи посредством наращивания территорий шло формирование имперского сознания. Мощный импульс российской имперской идее в начале XVI века придала формула псковского монаха Филофея «Москва – Третий Рим». Но кроме знаменательной масштабной цели идея содержала в себе и важный для самодержавной нацеленности российской власти и необычайный характер. Москва объявлялась Римом не только следующим, но – главное – последним и на короткий срок, так как конец человечества якобы был близок. Поэтому задача спасения правильного христианства публично возлагалась русскими только на себя, а исключительный характер исторических обстоятельств оправдывал и требовал от них необычайных действий.

Конец света, однако, все не наступал и для поддержания имперской идеи понадобился новый материал. Поскольку правовых отношений между государством и подданными не предполагалось, начиная со второй половины XVI века набирает силу процесс закрепощения крестьянства и дворянства самодержавной властью. Даже появившееся спустя столетие послабление для дворянства в виде указов Петра III, а затем и Екатерины II, согласно которым оно освобождалось от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, коренным образом их отношений с высшей властью не изменило. Нормой связи власти и народа стал заданный Иваном Грозным «стандарт»: «Тщю же ся со усердием люди на истину и на свет наставити, да познают единого истинного Бога в Троице славимаго от Бога данного им государя».

Думаю, со времени сформулированных Иваном IV идей «самодержавной воли» и «единственной истинной веры» можно говорить об элементах целенаправленного имперского строительства со стороны власти и о запущенном процессе формирования у русского народа имперского сознания. Процесс этот, однако, шел противоречиво. С одной стороны, в него входили представления об общине – крестьянском мире, которым крестьяне отгораживались от государства. С другой, формировалась логика захвата, перехода на новые, принадлежащие инородцам и потому «не занятые» земли, что совпадало с хозяйственной практикой экстенсивного ведения хозяйства. В этом крестьянство было с государством заодно и это в последующем дало основание спекулировать на идее «русский народ – народ-государственник». Само собой, что в обоих отношениях право если и присутствовало, то только условно-декларативно и на высшем уровне, в то время как на практическом, низовом имела место камуфлированная под мирное сосуществование колонизация. При этом, захватывавший чужие территории русский народ

был преисполнен веры в свою государственническую миссию. Считалось, что там, где живут русские, там Бог и Российская империя.

Нельзя, однако, забывать, что на новые земли народ гнала хозяйственная нужда, безземелье или стремление уйти от власти государства. Как полагали, например, старообрядцы, убегая на восток, они уносили с собой Святую Русь от антихриста – государства. Однако власть шла следом за народом, шаг за шагом возвращая его в подданство и, одновременно, расширяя свою территорию. Как свидетельствовал один русский чиновник, разницы между Ермаком и Черняевым («Ташкентским львом») нет никакой.

В строительстве империи посредством колонизации окраин русские только там достигали цели мирным путем, где встречали народы со слабо развитой культурой и национальным чувством. Там русский рецепт личного бесправия – традиционного холопства, господства самодержавной воли, отсутствия закона и растворения каждого индивида в однородной массе подданных принимался аборигенами без сопротивления. К таким землям русские относились как к «дикому полю», полностью игнорируя их прежнее племенное структурирование.

Но там, где русским колонистам противостояла сколько-нибудь развитая государственность, культура, ясное личное и национальное чувство, там дело, как правило, не решалось миром или и вовсе терпело провал. В отличие от мирной колонизации, колонизация военная требовала всестороннего «усмирения» – вплоть до уничтожения – «буйных» туземцев. В случае победы их общественная жизнь – управление, суд, социальная стратификация – приводилась в соответствие с российской, а их национальный высший слой включался в имперский.

В обоих, мирном и военном вариантах русского строительства империи почти отсутствовали просветительский и цивилизационный элементы. Главным образом преследовалась цель гомогенизации населения территории – основы государственного единства. Конечно, там, где это было возможно, ассимиляция закреплялась православным крестом. Но там, где это, как, например, в Туркестане, исключалось мусульманством, власть была вынуждена довольствоваться фактом территориального гражданства.

Гомогенизация (покорение с усреднением, низведением личностного начала до ничтожества и холопской покорности, приучение жить по воле ближнего наместника и дальнего царя) как доминирующий имперский принцип требовалась потому, что была единственным способом успешно осуществлять централизованный способ управления. Самодержец волею Божьей мог управлять, только предельно упростив все управляемые субъекты. Реализация желания быть вездесущим и править исключительно лично требовала сокращения количества управляемых до небольшого числа. В этой ситуации культура как постоянное увеличение разнообразия и просвещение как рост информационного содержания каждого управляемого элемента имперской системе были категорически противопоказаны. При самодержавном способе правления культура делалась тем, что мешало, считалась вредной.

Следует отметить, что имперское строительство было не только государственной, но и народной политикой. К переселению крестьянина

центральной России толкала постоянно усиливающаяся при экстенсивном ведении хозяйства «теснота жизни», точно так же закабаленные могли обрести волю только на чужой стороне. По этой причине свободные переселения (равно как переселения беглых) нельзя относить к беспричинным, неразумным или выгодным только власти. Существовал созданный крестьянами институт ходаков, которых общины посылали в предполагаемые районы переселения для сбора нужной информации.

Однако крестьянство, как и управленческий слой русской колониальной администрации, придя на «незанятые» земли как захватчик, по своему было заинтересовано в сохранении примитивного уровня сознания и культуры аборигенов. В лице туземцев русские переселенцы обретали еще более бесправных перед российской властью людей, чем они сами. И, значит, у них появлялась возможность переложить на них часть той тяжести, которая ранее всей своей силой давила их самих. Кроме того, поскольку вслед за народом на колонизованные земли приходила государственная власть, русские оказывались под ее защитой и по этой причине тоже рассматривались местным населением в качестве привилегированного класса. Любой, самый «последний» в центре России крестьянин на окраине обретал чувство превосходства над аборигеном. Причем для этого не требовалось ни образованности, ни принадлежности к высокой социальной группе, ни, тем более, личных усилий и качеств. Достаточно было национального признака. То, что это было непременно так, подтверждается и отношением русских к евреям, столетиями живших в стране, но, тем не менее, считавшихся за инородцев. Они, как отмечает, например, Н.С.Лесков, оставались «на своей родине не более как теми же «презренными жидами», которым считает себя вправе оказать пренебрежение всякий безграмотный мужик, полуграмотный дьячок и самый легкомысленный газетный скорописец». (Лесков. «Евреи в России»). Поэтому одно из наиболее обоснованных, на мой взгляд, объяснений причин русской народной колонизации (строительства империи) состоит в следующем: русский народ бежал от власти и к власти стремился.

Самодержавно-православная парадигма российской власти, дававшая результат от середины XVI столетия до Октябрьского переворота, впоследствии оказалась бессильной. Необходимость смены центрального принципа Российской империи почувствовал и верно сформулировал уже в конце XIX столетия первый устроитель Туркестанского края генерал К. Кауфман: «Мы должны вводить в Туркестанском крае русскую христианскую цивилизацию, но не стараться предлагать туземному населению православной веры». Да и великий Лев Толстой, как известно, вынашивал замысел романа о постепенно расселяющейся по пространству империи русской крестьянской общине как «силе завладевающей». В определенной мере на модификации этих идей и был зачат проект имперского СССР.

* * *

В сравнении с российской империей замысел имперского СССР был более эффективной попыткой, но, в то же время, и более безнадежным в своем результате опытом. Прежде всего, он нивелировал ряд свойственных

русским вредных для имперского строительства качеств. Так, многими исследователями отмечалась нетерпимость русских к национальным проявлениям государственности и культуры, их склонность грубо гомогенизировать аборигенов перед лицом государственной власти. Эти качества посредством гомогенизации нового типа был призван нейтрализовать пролетарский интернационализм. В то же время склонность к доминированию по признаку принадлежности к великорусской нации успешно блокировалась, во-первых, введением концепта практически лишенного национальности «трудящегося пролетарского государства», и, во-вторых, «ленинской национальной политикой», введившей для прежде угнетавшихся нерусских наций в качестве компенсации массу «льгот». В совокупности эти идеи были призваны заменить православие как главный идеологический принцип Российской империи. Что же до самодержавия – второго имперского принципа, то он получил новую жизнь в форме верховной власти партии большевиков и ее централизованной управленческой структуры при сохранении традиционного для России манипулирования или небрежения правом.

Российская империя, каковой она подошла к началу XX столетия, не представляла собой целостного образования. Это был, если помнить о Финляндии, Закавказье и Средней Азии, конгломерат территорий с разными формами интеграции в имперское целое. И хотя имело место государственное политическое единство, но имперский принцип не был реализован в полной мере и на его основе не удалось до конца создать гомогенную массу подданных. Все эти проблемы достались в наследство советской власти – «правопреемнице» Российской империи, рьяно взявшейся за дело.

Технология создания советской империи изначально была задана фактом «Октябрьского переворота» – комплексного явления, включавшего в себя свержение Временного правительства, роспуск Учредительного собрания, роспуск Советов и водворение на их место комитетов деревенской бедноты и, наконец, «красным террором». Последовавшим за этими событиями продолжением – разжиганием гражданской войны как средством перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической и введением «военного коммунизма» Ленин заложил основы нового имперского целого. Разумно рассудив, что господство над финнами, привыкшими к жизни при собственном парламенте и конституции, обойдется советской власти недешево, от их включения в создаваемую империю он отказался. Но в отношении остальных «окраин» имперская идея проводилась неуклонно.

Поставленный на место православия пролетарский интернационализм не был обременен имперскими ценностями Византии и России, в особенности вниманием Константинополя к культуре и праву². Вместо них последовательно насаждалась и вменялась ценность классового подхода и

² Естественно, что в данном тезисе не обойтись без упоминания политики ликвидации неграмотности и работы пролетарского государства в сфере культуры. Но тема эта отдельная и значение упомянутых государственных мер мало меняет тезис о небрежении культурой.

революционного правосознания. Более того. С первых шагов советской власти была сделана заявка на потенциальное расширение советской империи за наличные пределы. Средством должен был стать экспорт революции, для подготовки и реализации которой создавался институт III Интернационала. Всерьез обсуждалась идея наступательной социалистической войны советской России против стран Европы для поддержки пролетариата этих стран.

Имперское строительство при советах обрело новое содержание и во внутренней жизни России. Замена капиталистической экономики плановым хозяйством означала включение хозяйственной компоненты в имперскую цель гомогенизации подданных под управлением централизованной диктатуры. На гомогенизацию работала большевистская «трехчленка» социальной структуры – наличие «классов рабочих и колхозников с «прослойкой» из интеллигенции». Кроме того, решению имперской задачи создания единого экономического пространства способствовали и абсурдные хозяйственные решения, прежде всего связи между источниками сырья, производителями и потребителями. Исключительно в целях политической целесообразности все эти элементы хозяйственного целого были механически рассредоточены по территории страны без учета не только хозяйственной выгоды, но даже особенностей климата и природных условий. Достижению цели гомогенизации подданных советской империи способствовало и состояние всеобщего бесправия и уязвимости населения перед властью. У людей систематически вырабатывался комплекс «вины каждого» и «права власти на насилие над каждым», что подкреплялось постоянными репрессиями без различия национальности, социального положения, возраста, пола, личных заслуг, места нахождения и т.п.

Еще одним новым инструментом и, одновременно, продуктом советского имперского строительства стал феномен «дружбы народов», на основе которого в период «развитого социализма» была предпринята попытка утвердить в общественном сознании миф о создании «новой исторической общности – советском народе». Так называемая «дружба народов» была необходимым атрибутом формируемой идеологией образа «свободной и счастливой жизни» в имперском СССР.

Сама «счастливая жизнь» была сложным мировоззренческо-идеологическим образованием. Оно должно была учитывать много факторов. Это было доставшееся ей от Российской империи наследство в виде полиэтничного состава населения, в разной степени гомогенизации – усвоенной им «подданности». Повсеместно, благодаря усилиям центральной и региональной большевистской власти, выжившее в гражданской войне (одержавшее победу) население было спаяно кровью своих единоплеменников, пролитой ради абстрактной идеи «светлого завтра». Это был и нагнетаемый властями психоз в связи с возможностью уже после окончания гражданской войны новой внешней агрессии, и связанная с этим необходимость подготовки для борьбы с иностранным врагом за счастье трудящихся всего мира. Это была и непрекращающаяся борьба в верхних эшелонах власти. В идеологему «счастливая жизнь» после НЭПа должна

была войти и развернутая коллективизация и, значит, новые смерти и новая кровь.

«Счастливая жизнь» в эпоху советской империи в полной мере включала небрежение правом, так как при наступлении таковой потребность в праве, как и в государстве, отмирала. Но если царское самодержавие, в особенности после судебной реформы Александра II, все же начало поворот в направлении законности, то имперский СССР высшим выражением права сделал беззаконие. Начал он, как известно, с провозглашения высшей юридической нормой «пролетарское классовое сознание» и «революционную целесообразность». Однако эти категории, не имеющие адекватного правового оформления, для своего существования нуждались в общественном приятии, каковое и обнаружилось в сознании пролетарских масс. Почему же именно оно выступило основой имитировавшего право «пролетарского классового сознания» и «революционной целесообразности»?

Это произошло, во-первых, в силу той «физической чистки», которую при опоре на люмпенов из всех социальных слоев начали проводить среди населения большевики. Не только уничтоженные в гражданской войне, но десятки и сотни тысяч постоянно убиваемых или изгоняемых из страны людей в результате перманентных политических и экономических компаний вплоть до смерти Сталина стали результатом невиданного в мировой истории социального отбора. Критерием отбора была практическая и идеологическая лояльность большевистской власти, ее идеологии и, в том числе, идеалу «счастливой жизни».

К восприятию категорий классового сознания и революционной целесообразности общественное сознание было, во-вторых, подготовлено исторически. Нельзя забывать, что при отсутствии в стране права как одной из важнейших форм регуляции отношений между как людьми, так и между обществом и государством, необходимые для жизнедеятельности функции регулирования и управления вынужденно принимают на себя иные социальные и личностные механизмы. Так, если в обществе столетиями не было правовых механизмов согласования и договора, равно как сопутствующих им механизмов толерантности и компромисса, то это не значит, что люди не строят между собой отношений, государство перестает управлять, а общество перестает управляться и самоуправляться. Конечно, во всех социальных группах продолжают действовать нормы обычного права, работают традиции и их роль возрастает. (Не случайно о них так любят вспоминать при рассуждениях на эту тему в России некоторые «истинные» патриоты). Однако нормы и традиции принимаются далеко не всеми или их не всегда оказывается достаточно. И в этом случае в ход пускается естественный древний заменитель права – насилие.

Насилие как угроза и форма приведения к согласию разных интересов – основной для царской и советской России государственный регулятор. В особенности неукоснительно он работал на «окраинах», где у аборигенов отсутствовала собственная государственность, но встречал отпор там, где свои правовые регуляторы были.

К насилию, однако, с одной стороны, можно привыкнуть или найти способы его минимизировать, а с другой, чтобы быть эффективным, оно должно становиться все более жестоким. Но насилие, также еще и наиболее простая, доступная каждому форма «взаимосогласования» отношений и интересов. Поэтому она легко могла стать и стала народной. При этом, если в царской империи в межличностном общении для подданных все же иногда работал сдерживающий религиозный фактор, то в советской империи религиозного фактора заведомо не было, а, напротив, было требование максимальной беспощадности по отношению ко всякого рода «врагам», что заведомо исключало любое проявление сострадания и жалости. Более того: насилие поощрялось, а его недостаток властями расценивался как предательство и преследоваться. Таким образом, жестокость как норма и средство общения в России стали одним из культивируемых признаков, условием выживания в стране, а позднее сделались важными атрибутами имперского СССР. Именно они были тем реальным и всеми хорошо ощущаемым основанием, который до времени прикрывался феноменом «дружбы народов» и идеалом «счастливой жизнью». Однако если возникала надобность, то в скорости появления на свет насилия не сомневался никто.

Еще одной чертой имперского сознания является сопутствующее насилию презрение к человеку. Поскольку империи прежде всего заботились о том, что имело отношение к их природе или входило в сферу их интересов, то до частных интересов отдельного человека дело, как правило, не доходило. Примеров такого рода так много, что для прояснения этой характеристики следует обратиться и в самом деле к чему-то исключительному. Таковым, например, в истории Российской империи мне представляется факт отношения власти к последним дням жизни Льва Толстого. Авторитет всемирно известного писателя был столь высок, что даже царь и его ближайшие чиновники при жизни никогда не допускали мысли о каком-либо властном на него воздействии или, того пуще – насилии, хотя поводов для этого писатель давал много. Но все это относится к ситуации, когда писатель жил сам по себе. Но вот на станцию Астапово Рязанско-Уральской железной дороги ночью 31 октября 1910 года приезжает больной Толстой, чтобы здесь через шесть дней умереть. Об этом узнает страна и сюда устремляются массы народа. Что же власть?

Первоначально она старается снизить интерес общества и сделать событие рядовым. С этой целью рязанский генерал-губернатор князь А.Н. Оболенский пытается выжить со станции корреспондентов. Ради этого закрывают станционный буфет, а когда журналисты жалуются наверх, то о них все же решают проявить заботу – выдают матрацы и лампы. Вместе с тем, местным начальством рассматривается вариант перемещения Толстого – неизвестно куда, но лишь бы с подвластной территории. Так, один высокий чиновник спрашивал другого: «Телеграфируйте кем разрешено Льву Толстому пребывание Астапове станционном здании³, не предназначенном помещения больных. Губернатор признает необходимым принять меры

³ Комнату тяжело больному Толстому из сострадания предоставил в своей квартире начальник станции.

отправления лечебное заведение или постоянное местожительство». Несомненно, что если бы ущерб от скандала не превысил издержек по «неразрешенному пребыванию» тяжело больного, его бы, хотя и насильно, но «переместили» бы. Что в массовом порядке и делала, например, власть в имперском СССР, не разбираясь – отдельный ли это человек, сельское сообщество или народ. Адресом же «перемещения» могла быть либо окраина СССР, либо и вовсе «тот свет».

Все эти и иные подобные меры властей постоянно культивировали новое имперское сознание россиян в СССР. При этом, основные черты строящейся советской империи либо оставались теми же, что и в российской империи, либо еще более усугублялись. Это был изоляционизм по отношению к внешнему миру; «оплот трудящихся всех стран» скрывался за железным занавесом, защищавшим от врагов и от познания советскими людьми западного мира. Внутри страны процветал не виданный ранее универсализм на основе коммунистической идеи. Ни на день не прекращалась тотальная гомогенизация населения, превращение его в безропотных и покорных подданных государства. Была разработана и успешно осуществлялась специфическая, «пролетарски» переработанная культурная политика. Доставшаяся от Российской империи культура безжалостно переделывалась – «исправлялась». И, наконец, шла тотальная коррекция (переформатирование) народной памяти. О соплеменниках, уничтоженных и уничтожаемых ради «высокой» идеи, предписывалось забыть как о врагах или как о неизбежных исторических жертвах⁴.

За любое, ставшее известным несогласие с каким-либо из этих принципов советской империи полагалась немедленная жестокая репрессия. Идеологическое обоснование этих мер там, где она требовалась, применялось государством не «просветительски» и постепенно, а властно-репрессивно и в жесткие сроки. Думаю, что для построения советской империи у большевиков был свой «пятилетний» план, который, как и остальные, предполагалось осуществить в два-три года. Но, к счастью, как и остальные, он не был успешно завершен, хотя и нанес огромный вред.

Во всей этой нечеловеческой конструкции присутствовал только один естественный, связанный с действительной дружбой народов страны момент – общая защита от немецко-фашистской агрессии. Однако и за ним, если принять во внимание невиданное в российской истории количество пытавшихся перейти на вражескую сторону, предавших советскую империю и сдавшихся в плен россиян, ясно просматривается реальное метание значительных слоев народа между молотом сталинской власти и наковальней фашистского рабства.

⁴ Масштабы предназначенного к забвению, не прояснены до сих пор. Сколько – один, шесть или десять миллионов было уничтожено в СССР в коллективизацию, в том числе и в ходе военных действий частей Красной армии против восставших сел? Сколько – половина или более половины населения Казахстана и Башкирии погибло от голода в результате реквизиций у него скота? Сколько крестьян Украины и Поволжья умерли от голода после выполнения сталинских планов хлебозаготовок? И т.д., и т.п.

Я уже отметил, что сегодня у власти и общества нет сколько-нибудь ясного представления о том, что делать на руинах советской империи: пытаться продолжать или даже изобретать новую империю, либо строить нечто иное. Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, несколько слов надо сказать о наследстве. Для этого среди «ценностей» последней империи, до сих пор не преодоленных в общественном сознании и даже пользующихся популярностью и поддержкой у отдельных категорий граждан РФ, выделю несколько, наиболее, на мой взгляд, значимых.

Возможно, на первом месте здесь следует поставить «ценность» страны, которую раньше «все боялись» и, как очевидно думает эта категория населения, по этой причине «уважали». Нечто рациональное из страха перед нами можно вывести только следующим заключением: если мы делали что-то заведомо недоброе, то нам не противились. (Идею «уважения» на основе страха обсуждать не буду).

Существенно померкла, но все еще жива «ценность» пролетарского интернационализма. Слава Богу, последним прецедентом реализации этой идеи на практике был Афганистан. Позднее, даже имеющий российские имперские корни опыт войны на стороне «сербских православных братьев», не говоря уже о военной «солидарности» с социалистической Югославией против НАТО, ограничился маневром над Атлантическим океаном самолета тогдашнего премьер-министра. Таким образом, идея экспорта коммунизма, будем надеяться, сдана в архив.

Туда же отправлена и «ценность» жизни в империи больших народов, расположенных по периметру нашего отечества и включенных в Российскую, а затем и в советскую империю. Своё отношение к империи «национальные окраины» высказали еще в 1991 году. Что же до «окраин» внутренних, то одно дело – Кавказ, и другое – Татарстан, Башкирия и другие этнические сообщества. И если с последними двумя общий язык и совместное развитие нащупывается, то с Кавказом перспективы конструктивного взаимодействия пока не просматриваются. Не анализируя эту тему в силу ее сложного специального характера, отмечу лишь одно. Еще русские колонизаторы, которые вели захватнические войны против черкесов, (как скопом именовали все народы Кавказа), поняли безуспешность попыток распространить на них православие и самодержавие. Их не удалось в полной мере ни гомогенизировать в «трудящихся СССР», ни «переделать» в духе идей «пролетарской диктатуры». Думаю, что они составили себе представление и о современном российском «единодержавии» и новом варианте «дружбы народов». И рассчитывать на попытки реинкарнации советской империи на их территориях, хотя бы и в модифицированном варианте, нельзя.

К перечню «ценностей» последней империи следует добавить и свойственную значительной части населения современной России «антикапиталистическую ментальность». В существо капиталистического способа производства включается частная собственность, определение максимизации дохода и пользы как цели хозяйствования, координация хозяйственной деятельности через рынки и систему цен, почти полное

исключение из межчеловеческих связей патернализма и отношений типа «раб – господин», стремление к утверждению верховенства закона. Естественно, что наше общество, привыкшее к царскому или советскому произволу, в том числе и прежде всего в отношении института частной собственности, равно как и к типам хозяйствования и потребления, далеким от рациональности и личной, не зависящей от «господина» выгоды, в массе своей не готово к быстрому переходу на капиталистические основания деятельности. Думаю, что и современная российская власть, преследуя свои конъюнктурные цели, искусственно тормозит движение в этом направлении, подпитывая антикапиталистические настроения населения.

Все перечисленное, если иметь в виду перспективу не загнивания и даже исчезновения нашего народа, а его возрождения на новых основах, заставляет рассматривать попытку нового имперского строительства как дело убийственное. Так что же нам делать?

На мой взгляд, речь должна идти о смене россиянами имперской части своей идентичности на патриотическую идею возрождения народа и страны без имперских целей. А это предполагает, глядя из глубины почти пятисотлетней истории, организацию непривычного для нас дела – введение в состояние цивилизованности самих себя. Не привычно это, во-первых, потому, что предмет усилий из внешнего (активность, направленная на других) становится внутренним (активность направляется на самих себя). И, во-вторых, потому, что содержанием активности вместо православия и самодержавия или коммунистической идеологии, власти партии или властной группы становится развитие, распространение и укрепление культуры и права.

Отказ от попытки воссоздания империи формулирует вопрос о форме государственности. Таковой в России, на мой взгляд, должна стать давно существующая в развитых странах форма – национальное государство. Но это, конечно, не «государство русских», если развивать далее идею «русские – государствообразующий народ». Нация в национальном государстве – это не этническое, а гражданское единство. Гражданская нация – сообщество граждан, которые принадлежат к разным этносам, социальным группам и исповедуют разные религии, но признают свою историческую и культурную общность, активно развивают политические и правовые связи с государством и между собой в общенациональном деле – созидании свободного, демократического, открытого и миролюбивого общества, в основе которого – капиталистический способ производства. Впрочем, в данном месте текста необходимо сделать пояснение.

* * *

Долженствование по отношению к будущему справедливо вызывает улыбку. Однако не стоит чрезмерно критически относиться к попыткам посмотреть на то, что можно назвать его ростками. Кроме того, и то, что я буду говорить далее в связи с идеей национального государства, я призываю рассматривать не как обязательное долженствование или, тем более, неизбежность, а только как регулятивную идею. Регулятивная идея – это некий тезис, к которому предлагается относиться как к тому, что может быть

принято обществом в качестве желательного. В этом смысле и христианская идея – регулятор, который не всегда и не у всех срабатывает, но который существует и работает в сознании и в действиях.

Итак, говоря о национальном государстве, прежде всего следует сказать о субъекте его строительства. Таким коллективным субъектом, на мой взгляд, сегодня могут и уже начинают выступать те, кого следовало бы называть «новой элитой» – лучшими. Что имеется в виду? В каждой социальной и профессиональной группе есть эффективные люди, которые о самих себе говорят как о «нормальных», что, с поправкой на скромность, означает знающих, ответственных, энергичных, честно делающих свое дело. Именно они, материализуя свойственное им желание – отрицать среди сущего «плохое» и утверждать «лучшее в качестве должного» – могли бы стать коллективным субъектом строительства новой стадии российского государства.

В этой связи хотел бы напомнить о начальной стадии процесса создания национального государства во Франции, поскольку весь процесс вышел за пределы столетия. Как отмечают исследователи, французская революция не была совершена определенной партией или движением в соответствии с какой-либо программой. Движущей силой революции выступала группа «буржуазии», воспринявшая от философов и экономистов идеи классического либерализма. По этой причине «философы» могут считаться ответственными за революцию. Именно их абстрактные тезисы «овладели массами».

Не думаю, что было бы ошибкой указать и на то, что аналогичный субъект активности при запуске процесса радикальных аграрных реформ в России видел, например, П.А. Столыпин, когда говорил, что в политике будет ориентироваться «не на пьяных и слабых, а на трезвых и сильных». Метафора премьер-министра не смущала, а успешно начатое им реальное реформационное движение подтвердило, что понятная обществу абстракция «сильные» вовсе не помеха.

Но обладает ли наша элита самосознанием, достаточным для активного действия? Иными словами, насколько она готова выйти из вялотекущего процесса «стабильности-деградации», который под управлением властных «псевдо-элит» возобладал в современной России? Первые признаки пробуждения самосознания «лучших людей» мы увидели в выступлениях «рассерженных горожан» в конце 2011 – начале 2012 годов, на плакатах которых, кстати, были довольно абстрактные лозунги «Хватит врать!» и «Долой воров!» Но насколько их идеалы, ценности, стандарты деятельности и поведения готовы воспринимать другие члены их профессиональных групп, а также иных социальных слоев? Очевидно, в зависимости от ответа на этот вопрос потребуются тот или иной характер социальной работы и активности как внутри «новых элит», так и этого коллективного субъекта с иными слоями общества. При этом период становления новой элиты заранее определить нельзя. Думаю, он может занимать от нескольких лет до нескольких десятилетий.

Попутно отмечу, что похожая просветительско-культурная работа в нашей стране уже была. В начале XX века, когда озабоченные проблемой

«окультуривания» русской деревни в нее шли ученые-кооператоры и общественные деятели, заботясь не только о продвижении в аграрный сектор передовых сельскохозяйственных знаний, но и ставя более общую цель – цивилизационного подъема народной жизни. Очень скоро, уже к началу 1917 года, до 75% крестьянских дворов России были вовлечены в те или иные формы кооперации, «охвачены» просветительской деятельностью. Не удивительно, что после прихода к власти большевиков именно кооператоры и кооперация как массовое проявление энергии гражданского общества были определены Лениным «врагом № 1» и в период политики «военного коммунизма» подверглись уничтожению. Этот период просветительской работы охватывал от пятнадцати до двадцати лет. Но в какой мере в это время в нем произошло становление новой элиты, сказать сложно.

Думаю, что ясного ответа на поставленные вопросы пока нет. Однако понятны две вещи. Первая: ждать, пока новые элиты себя самоосознают и обнаружат, пока сама собой случится смена идентификации россиянина, не стоит. Если у какой-то части общества есть понимание необходимости начинать работать, то это и есть достаточный сигнал для начала действий. Тем более, что очевидно: только длительная, проводимая не только интеллигенцией, а «верхними» слоями социальных групп «культурническая» и политическая работа приведут к становлению гражданской нации, сформируют у членов общественных групп устойчивые привычки эффективно и добросовестно делать свое дело, думать и поступать не «под давлением производимых властями обстоятельств», сиюминутных выгод, но так, как «должно». При этом начинаться этот процесс, который в перспективе может вылиться в общественное «культурное движение», очевидно, будет как индивидуально, так и в группах, независимо от географии, профессии, возраста. В последнем случае, конечно, это должно быть включено в существующие воспитательные и образовательные механизмы, так что без участия государства здесь не обойтись.

Конечно, одна из ведущих ролей в этой работе будет принадлежать наиболее активным и ответственным людям из среды научной и художественной интеллигенции. Именно они ближе всего «находятся» и лучше всего могут транслировать социуму «должное»: смыслы и ценности, образы и образцы культуры, стандарты поведения, взятые из великой отечественной истории, русской классической литературы, современности, значимых общественных примеров и личного опыта. В то же время без ответственной политической элиты, которая формируется выходцами из среды политических и промышленных управленцев, предпринимателей, сообществ правоведов, правозащитников и правоприменителей, военных, так называемых «силовики» и др. также не обойтись. И даже если в начале этой работы окажется, что слой «лучших» слишком тонок, то это не должно пугать или ставить под сомнение саму задачу. Просто начинать придется с его (этого слоя) расширения, что, в сущности, и будет первыми шагами в строительстве развитого гражданского общества и национального (гражданского) государства.

В связи со сказанным неизбежно встанет вопрос об отношении к «культурной работе» со стороны российской государственной власти, состоящей из «элит по должности» и «псевдо-элит». И дело не только в том, что участники «культурного движения» должны оставаться в рамках действующих в государстве законов. Важнее вопрос: можно ли со стороны государства и части чиновничества, входящего в состав этих «элит», рассчитывать на «встречное движение» или с их стороны будет лишь противодействие?

Конечно, не существует рациональных оснований, ссылая на которые позволила бы препятствовать «культурной работе». Однако не стоит забывать, что активизация в стране процесса движения, результатом которого может быть либеральное правовое государство и гражданское общество объективно поведет и к изменению состава властвующих элит. А власть, как известно, добровольно не отдают. Поэтому тем, кто будет занят «культурным движением», с самого начала важно понимать: нынешняя власть – это тоже наши соотечественники, ценности и привычки которых нуждаются в корректировке, которые «всего лишь» по-своему понимают свободу и порядок, и ошибка которых, говоря предельно общо, состоит в том, что когда они думают о себе, о других и о России, то не верно расставляют приоритеты. Удастся ли их понудить к ответственному исполнению властных функций и для начала переубедить установить иную иерархию приоритетов, вопрос не простой. Однако не испробовать этот путь нельзя.

В заключение повторю: России пора перестать быть империей и имитировать ее признаки. Эволюция российской государственности в форму национального государства в современных условиях возможна и необходима. Содержанием этой работы, наряду с прочим, видится и корректировка идентичности современных русских – вытеснение из нее имперской составляющей и наполнение смыслами и ценностями культуры и права. Исторического опыта такого рода работы у нас нет. Но и империю воссоздать нельзя. Остается заняться созданием самих себя. Попробуем?